

1941 – 2016: ТЫЛ

Детство под обстрелом

ОДНАЖДЫ нижеупомянутые люди стали героями самодельного сборника воспоминаний. Тот был создан в Андреапольском городском филиале ЦБС (библиотека на ул. Ломоносова). Посвящён

выжившим в Великую Отечественную войну детям. На снимке — Светлана Иванова, заведующая библиотечкой, один из авторов повествования.

Они к нашим дням, конечно же, не только выросли, но стали людьми глубоко почтенных лет, к тому же последними годами некоторые ушли из жизни, ещё часть находится под опекой Хотилицкого дома-интерната для одиноких стариков, инвалидов. Общая подробность: все ходили в свою дворовую библиотеку, дружат с нею до сих пор.

На страницах самодельного сборника мы находим

тельства очевидцев Великой Отечественной (даются в изложении). Война настигла их в тылу, многим досталось выживать в оккупации. Воспоминания о тех днях теперь хранятся в фондах центральной библиотеки, сосредоточены под одной обложкой.

Николай Александрович Ковалевский в 11 лет остался в семье за старшего мужчину. Нина Александровна Новикова (Рыбакова) помнит войну с 8 лет. Мария Ивановна Терещенкова (Косаткина), 1929 года рождения, к началу войны окончила четвёртый класс. Лидия Петровна Быкова родилась 7 ноября 1929 года, Анна Фёдоровна Ионова — 12 марта 1929 года, Мария Яковлевна Фролова — 27 июля 1928 года. Татьяна Васильевна Богданова (Масловой) в 1941 году исполнилось 12, Зинаида Павловна Столовой (Коршаковой) — 9 лет. Нина Пантелеевна Черкасова (Назарова) родилась 4 июня 1928 года, Анна Михайловна Савельева (Михайлова) — 27 июля 1924 года, Вера Ивановна Шершнева — 22 ноября 1930 года. Раису Ильиничну Скобелеву (Бобову) война настигла в девятилетнем возрасте. Василий Васильевич Корольков — 1934 года рождения.

С 1941-го по 1945-й они повзрослели, действительно, не по годам. Война разрушила детские судьбы, не разбиравшая имён, адресов.

Родина

КОВАЛЕВСКИЙ родом из Белоруссии. В их семье к войне — пятеро детей.

Новикова — из д. Бонда-

ри Нелидовского района. Терещенкова — из д. Семик того же района: «Старший брат не сумел выехать из Ленинграда, куда отправился поступать на учёбу. Пережил блокаду, был ранен».

Быкова — из деревни Грылёво Пенковского района. Место рождения Ионова — д. Константиново Шершуринского сельсовета Серёжинского района, в 1933 году семья переехала в Митрошино, где жили до 1947 года. Анна из многодетной семьи, у неё было пятеро братьев, она — старшая. Фролова — д. Фомино Серёжинского района. Выросла в семье колхозников с пятью детьми.

Богданова — д. Насоновка Лучанского сельсовета: «Кроме меня в семье — две сестры, брат. Он прибавил себе года, уехал в Ленинград на военный завод и выпросился на фронт. Воевать ему пришлось недолго — сильно контузило. После госпиталя всё равно часто случались болезненные приступы, тогда мог дом по брёвнышку разобрать, страшно! И хотелось забыть войну, но инвалид — постоянная память о ней».

Столова — д. Рожанка Великосельского сельсовета: «Семья наша была сравнительно небольшая — отец, мать, трое детей. Родители всю жизнь работали в колхозе».

Черкасова — деревня Лутки Хотилицкого сельсовета, в 1929 году семья переехала в Андреаполь, жили на улице Театральная: «Мать умерла в 1935 году».

Савельева — из д. Бондино (Хотилицкий сельсовет): «В семье колхозников нас было семеро».

Шершнева — из д. Лобно Хотилицкого сельсовета: «У меня было 5 сестёр и брат».

Скобелева — д. Васильево Балбекинского сельсовета. Из семьи колхозников: «Мать трудилась на полевых работах, отец — на заготовке леса». В семье 10 детей, Рая — младшая.

Корольков из д. Данилово (ныне территория Андреапольского сельского поселения). Отец одним из первых вступил в колхоз и был его первым председателем.

Весть

Новикова: «Известие о начале войны в деревню привёз посыльный и вручил мужчинам повестки в военкомат».

Ионова: «Семья почувствовала дыхание Великой Отечественной до её начала. Отца, дядю призвали на «финскую». Дядя даже не попрощался с семьёй, думал, что скоро вернётся. Их довезли до Кронштадта, но с началом Великой Отечественной перебрались на другой фронт — Калининский».

Шершнева: «Успела закончить первый класс. В деревню на лошади прискакал вестовой со страшным известием о войне. На следующий день отец ушёл на фронт».

Скобелева: «Я была в школе, когда объявили о начале войны. Наш учитель сразу ушёл на фронт».

Корольков, 23 июня 1941 года на войну из Данилово отправились 15 защитников, в том числе отец Василия

Васильевича: «В марте 1942 года получили письмо: был ранен, контужен, снова на передовой. Последнее письмо пришло в конце июня 1942 года, с фронта. А в декабре 1943 года — известие о том, что отец пропал без вести».

На фронт

ГЛАВА семьи Ковалевских ушёл на войну в первый же день.

Терещенкова: «Отца призвали на фронт 8 июля 1941 года».

Фролова (на снимке в центре): «Отец ушёл на войну и скончался в госпитале от ран (оторвало ноги)».

Черкасова: «Отец ушёл на фронт сразу: Погиб под Сталинградом. В 1942-ом призвали на фронт брата. Попал в окружение, вышел к партизанам, где и остался сражаться с врагом».

Скобелева: «Отец на войне с первых дней. Под Ржевом его часть попала в окружение. Оказался в плену, где и умер. Старший брат Иван был направлен на фронт со службы в армии. Пропал без вести в первые же месяцы. Последнее письмо пришло из-под Бреста. Другой брат Алексей прошёл всю войну, даже с Японией. Был ранен, но остался жив».

Скобелева: «Трое моих братьев воевали. Один не вернулся с фронта, двое — ранены и контужены».

Канонада

Терещенкова: «Родную деревню в начале войны сожгли по приказу Советской власти: располагалась рядом с железной дорогой стратегического значения. Со стороны Западной Двины били зенитки, самолёты сбрасывали бомбы. Нелидово бомбили постоянно. Страх остался на всю жизнь. Хорошо помню, как наши солдаты копали окопы, и зарывали их дети — потом, после освобождения нашей территории».

Ионова: «Военных действий видеть не пришлось. Немцы в деревне бывали наездами — искали партизан, которые приходили за пропитанием».

Фролова: «Немцы проезжали верхом на лошадях, но в деревне не стояли».

Савельева: «Я, семнадцатилетняя рвалась на фронт. Недалеко проходила железная дорога. Однажды у станции Мартисово остановился санитарный поезд с большим количеством раненых солдат. Обслуживающего персонала не хватало,

Так я оказалась в поезде. Санитаркам было очень тяжело. Тяжелораненые без ног, рук стонали, кричали, плакали. Глядя на них, плакали и девчата. А поезд набирал с фронта всё новых раненых и развозил по госпиталям. Под Великими Луками попал под бомбёжку, под Львовом сошёл с рельсов. Так добрались до Германики».

Корольков: «Отступление наших войск вызвало сильную тревогу у населения, жители даже поделились на «красных» и других. Естественно, семье бывшего председателя колхоза оставаться в деревне было нельзя, дедушка увёз к себе в д. Суворово. А сюда вражеские снаряды долетали уже на третий день. Шёл страшный бой от Чижова до Плотомоя. Начали загораться дома, тушить их было некогда. Появились раненые среди жителей. Собрав около двух десятков детей, стариков, женщин, дедушка повёл их в лес на Чёрный ручей. Но оказались в прифронтовой полосе. Опять надо было срочно уходить».

«Под фашистом»

Ковалевский: «Нашу местность немцы оккупировали уже 23 июня».

Новикова: «В посёлке Земцы расположился карательный отряд. Наезды совершались и к нам: искали партизан. На всю жизнь запомнились зверства фашистов 6 декабря 1941 года — сожгли почти всю деревню. Мы с мамой переехали к тёте. Жили в бане. После отступления немцев вернулись к родному лепелищу. Колхоз выделил под жильё амбар (на две семьи)».

Быкова: «Деревня Грылёво располагалась у большого и была оккупирована первыми же месяцами войны. О подходе вражеских войск население предупредили по радио. Продукты, скот спрятали в лесу и установили там дежурство — по два человека. Немцы избрали в деревне старосту, которого потом, при наступлении расстреляли русские. Нам, девочкам, пришлось не раз расчищать для фашистов большак».

Столова: «Когда фронт приблизился к Андреаполю, начались бомбёжки, жители нашей деревни ушли в лес, к болоту. Выкопали землянки и жили в них, дрожа от взрывов бомб, снарядов. В периоды затишья я бегала с подружкой в деревню — посмотреть, целы ли наши дома. Они уцелели, но остались без стёкол. Однажды, вернувшись в землянку, обнаружила кошку с двумя котятками — горькое и одновременно сладкое напоминание о мирной жизни. К Покрову, к 14 октября мы вернулись в деревню. Однажды я увидела у изгороди людей в белых маскировочных халатах: это были немецкие разведчики. Они подожгли несколько домов —

дали знак своим. Немцы требовали указать им дорогу на Торопец. В проводники взяли старика Захара».

Скобелева: «Территория нашего сельсовета уже к осени 1941-го полностью оккупирована. Немцы в деревне назначили старосту (желающих не было), в соседних деревнях — тоже. Старосты заранее предупреждали жителей о приезде немцев, чтобы успели спрятать шкуры, кожи, валенки, рукавицы, мелкий скот. Однажды ночью прибыл обоз партизан и расстрелял всех старост (по чьему-то оговору). В их семьях остались грудные дети, народ горевал, жалел».

Корольков: «На лесной дороге впервые повстречались с немцами. Остановили. Привели в Суворово, загнали в баню. Принесли каннистру. Ужас, отчаяние охватили невинных людей. Крики! Вой! Плач! Ругань... Сгореть заживо помешал другой немец. Отвёл приговорённых в дом на горе. В одной половине — немецкий штаб, в другой закрыли заложников. На чердаке дома — пулемёты, на улице — пушки. Советские снаряды рвались рядом, но ни один в дом не попал».

Враг рядом

Ковалевский: «3 года мы не видели не то что учебников. За любую газету немцы могли нас арестовать, расстрелять. Всячески унижали: разбрасывали конфеты, даже в грязь (из нашего же, советского магазина), а нас, ребятишек, заставляли собирать, есть, при этом фотографировали».

...По ночам партизаны приходили в деревню за продуктами. Моя мать пекла для них хлеб. У нас от страха волосы стояли дыбом, когда в доме находились партизаны, а на улице стояли немцы. Они могли всех расстрелять, а деревню — сжечь, таких примеров было много. Заживо сгорели некоторые мои друзья-одноклассники... Однажды немцы сбили русский самолёт. Лётчик спасся на парашюте. Немцы его последовали, искали в деревне. А мы их обманули, указав на лес. Мать прятала лётчика у нас дома. В лес к партизанам он ушёл позже. В 1944 году прислал нам посылку с гостинцами, благодарил за спасение».

Богданова: «Немцы направлялись на город Холм. Но начали обстреливать партизаны, и фашистам пришлось свернуть с большака. В Насоновке они задержались на неделю. Отوبرали у населения оставшийся скот (коров, поросят, кур), картошку и выселили жителей за 7 километров в деревню Солпки».

Черкасова: «В августе 1941-го, когда фронт приблизился к Андреаполю, с шестнадцатилетним братом выехали в Раменье. Но занявшие деревню немцы население выселили. Стали жить в лесу в шалаше. Страшно боялись разрывов снарядов, которые летели и с немецкой стороны, и с русской. Постепенно пешком добрались до Митрошино, затем до Луток, где жили дядя и тётя. Здесь тоже хозяйничали немцы, но они всё-таки не отняли у многодетной семьи корову, что и помогло выжить».

Корольков: «...Через линию фронта дедушка увёл в деревню Скраты. Шли цепочкой, держась друг за друга. На открытых местах ползли. Труднее всего было преодолевать болото. Грелись, сбиваясь бок о бок. Тяжелее всех — матерям с младенцами на руках. Но и в Скратках жить оказалось опасно. Немцы 2-3 раза в сутки обстреливали из дальнобойной артиллерии, мы прятались в лесу в землянках. 9 октября снова оказались в плену. Фашисты свирепствовали: расстреливали, если в домах находили оружие, гранаты; отбирали скот, одежду. Через некоторое время мать, дедушка, дети вернулись в Суворово, потом в Данилово — в дом без дверей и стёкол. Голод, холод, а в лес за дровами нельзя — немцы стреляют. 17 января 1942 года началось их отступление, но мучения не закончились. Возле дома стоял на ремонте советский танк, который обстреливался фашистами днём и ночью. Пришлось уходить на хутор Рыково».

Пронитание

Ковалевский: «В 1942 году у нас отобрали корову-кормилицу, несмотря на просьбы матери. Немец ударил её прикладом».

Терещенкова: «С подругами собирала щавель для столовой, за что там подкармливали. За работу на железной дороге получали паёк — 100 граммов хлеба».

Быкова: «У нас дома немцы забрали яйца, хлеб, зарезали всех кур и устроили штаб. С наступлением холодов корову пришлось вести домой. Мать упростила не резать, чтобы прокормить троих детей».

Ионова: «Партизанам отдавали последнее, а детиски голодали. Если кислицу, траву, одну картошку в день. Хорошо ещё, на две семьи имелась корова. Но это были крохи, потому что по 300 литров нужно было сдать на питание для фронтовиков. Пришлось сдать и последнюю овцу. Хлеба колхозникам не доставалось. Всё намолоченное зерно шло государству — подростки на подводах увозили на хлебоприёмные пункты. Ходили за 70 километров в Торопец менять на хлеб одежду, обувь. Уставали так, что однажды, возвратясь домой, уснула за столом, так и не дотянувшись до хлебной болтушки».

Фролова: «Как все, испытывали голод. Чтобы не умереть, копали остававшуюся на полях мороженую картошку, из сушёной травы пекли хлебцы. Голод донимал сильно, особенно ощущалась нехватка соли. Пищу «солили» колхозным удобрением, сожгли желудки».